

Культуры вовлеченности в студенческое самоуправление в российских вузах: тусовщики, прагматики и граждане

Дмитрий Ефимов, Алексей Батищев, Александр
Костюк, Ангелина Махсон, Матвей Свойский

Статья поступила
в редакцию
в ноябре в 2023 г.

Ефимов Дмитрий Борисович — начальник отдела обратной связи и внутреннего оценивания Центра внутреннего мониторинга, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028 Москва, Покровский б-р, д. 11. E-mail: defimov@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8942-500X> (контактное лицо для переписки)

Батищев Алексей Сергеевич — аспирант Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: alexbatishchev2013@gmail.com

Костюк Александр Андреевич — преподаватель Лицея, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: akostyuk@hse.ru

Махсон Ангелина Михайловна — бакалавр социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: amakhson@gmail.com

Свойский Матвей Юрьевич — независимый исследователь. E-mail: myusvoyski@gmail.com

Аннотация

Проведено исследование с целью выявить модели вовлеченности студентов в университетское самоуправление, а также факторы, мотивирующие и демотивирующие студентов к участию в самоуправлении. Эмпирическую основу исследования составили материалы проведенных осенью 2022 г. 72 интервью с руководителями студенческого самоуправления в российских вузах. В результате многоэтапного кодирования и тематического анализа этих материалов авторы идентифицировали три основные культуры участия в студенческом самоуправлении: базовая характеризуется преобладанием мотивации личной социализации и индивидуального развития, для прагматической культуры приоритетной значимостью обладают материальные и карьерные стимулы, гражданская культура участия ориентирована на социальное признание, помощь другим людям и решение общественных проблем. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегий повышения эффективности работы с разными группами студентов в студенческом самоуправлении в России как на уровне отдельных университетов, так и на уровне регионов, групп вузов или страны в целом.

Ключевые слова студенческое самоуправление, студенческое представительство, студенческие советы, студенческая вовлеченность

Для цитирования Ефимов Д.Б., Батищев А.С., Костюк А.А., Махсон А.М., Свойский М.Ю. (2024) Культуры вовлеченности в студенческое самоуправление в российских вузах: тусовщики, прагматики и граждане. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 4, сс. 61–94. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-18298>

Student Engagement Cultures in Russian Student Representation: Party-Goers, Pragmatists and Citizens

Dmitry Efimov, Alexey Batishchev, Alexander Kostyuk, Angelina Makhson, Matvey Svoyski

Dmitry B. Efimov — Head of the Feedback and Internal Assessment Unit at the Centre for Institutional Research, HSE University. Address: 11 Pokrovsky Blvd, 109028 Moscow, Russian Federation. E-mail: defimov@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8942-500X> (corresponding author)

Alexey S. Batishchev — PhD Student at the Institute of Education, HSE University. E-mail: alexbatishchev2013@gmail.com

Alexander A. Kostyuk — Teacher at the Lyceum, HSE University. E-mail: akostyuk@hse.ru

Angelina M. Makhson — Bachelor in Sociology, HSE University. E-mail: amakhson@gmail.com

Matvey Yu. Svoyski — Independent Researcher. E-mail: myusvoyski@gmail.com

Abstract The aim of this research is to explore the main models of student engagement in university self-government in Russia, to understand and categorize what drives the students' participation in these institutions. The main content of the paper is based on a multi-stage coding and thematic analysis of 72 interviews conducted in the autumn of 2022 with student leaders of various Russian universities. The analysis results allow us to highlight three main student cultures of participation in representation bodies: the basic one is characterized by a predominant focus on personal socialization and individual development, the pragmatic one emphasizes the importance of financial and career incentives, while the civic one includes an orientation towards social recognition, helping others, and addressing public issues. The results provide valuable information for developing strategies to enhance the efficacy of working with different groups of students in Russian student representation, both at the institutional university level and at the regional or national level.

Keywords student self-government, student representation, student councils, student engagement

For citing Efimov D.B., Batishchev A.S., Kostyuk A.A., Makhson A.M., Svoyski M.Yu. (2024) Student Engagement Cultures in Russian Student Representation: Party-Goers, Pragmatists and Citizens. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 61–94 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/vo-2024-18298>

Студенческий активизм, участие во внутренней жизни университета — важная составляющая студенческого опыта. При этом студенческие движения становятся не только фактом биографии каждого студента, оказывающим влияние на его дальнейшую профессиональную и личную траекторию: исторически такие движения были значимым явлением в жизни как местных сообществ, так и более широких кругов населения. Студенты были влиятельной социальной группой уже в Средние века, когда в некоторых университетах, например в Болонском, они могли избирать профессоров и участвовать в выборах ректора. В XX в. студенческие социальные движения, в том числе широко известное движение 1968 г., стали важным фактором социально-политической динамики практически во всем мире [Altbach, 2007; Klemenčič, 2020].

В России политика в отношении студенческого самоуправления за последние 30 лет претерпела несколько трансформаций [Попов, 2009; Ефимов, 2021]. Существенные сдвиги в образовательной и молодежной политике произошли в 2012–2014 гг., когда был принят новый закон «Об образовании» и изданы рекомендации Минобрнауки РФ о создании и деятельности советов обучающихся¹. Интерес государства и общества к молодежной политике и студенческому самоуправлению в рассматриваемый период постоянно возрастал: развернуло свою работу Федеральное агентство по делам молодежи, переведенное в 2018 г. в ведение Правительства РФ и выдающее гранты на поддержку молодежных инициатив; Российский союз молодежи и Ассоциация студентов и студенческих объединений России проводят регулярные Всероссийские школы студенческого самоуправления и иные мероприятия для молодежи, в том числе для студентов; в 2024 г. в России проведен Всемирный фестиваль молодежи с участием более 20 тыс. человек из 190 стран мира.

Тем не менее пристальное внимание государства к развитию институтов студенческого самоуправления в 2010-е годы, судя по результатам опросов, пока не привело к существенному росту вовлеченности студентов в университетское самоуправление: согласно данным Мониторинга экономики образования² за 2022 г., лишь 14% студентов однозначно заявили, что у них есть опыт участия в деятельности органов студенческого представительства. Доли студентов, вовлеченных в студенческий активизм, помимо того, очень сильно различаются в разных вузах: очевидно, не все практики вовлечения студентов в университетское самоуправление, которые используют вузы, одинаково эффективны. В связи с этим представляется важным выяснить, не ограничиваясь вузами какой-либо одной категории или статуса, что побуждает совре-

¹ https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-14.02.2014-N-VK-262_09/ (дата обращения: 02.11.2024).

² <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

менных студентов к участию в студенческом представительстве, что, напротив, представляется им барьером к такому участию, и с какой целью студенты сегодня вовлекаются в студенческое самоуправление. Найдя ответы на эти вопросы, можно определить наиболее релевантные пути к повышению вовлеченности студентов, учитывающие и разнообразие студенческого сообщества, и институциональные характеристики университетов.

Студенческая и в целом молодежная активность — это не только актуальное направление государственной политики, но и важный вектор научных исследований, в которых одну из центральных позиций занимает феномен вовлеченности. Исследования выявили связь студенческой вовлеченности в учебную и внеучебную активность с уровнем образовательных результатов [Щеглова, 2019]. Участие в такой активности позволяет студенту развивать навыки критического мышления, командной работы, получить опыт общественной работы, расширить социальные связи и т. д. При этом преобладающие в российских вузах форматы внеучебной деятельности пока слабо связаны с формированием учебных результатов, что порождает дискуссию о возможностях их трансформации в дальнейшем [Щеглова, Корешникова, Паршина, 2019].

В данном исследовании мы выясняли мнение активистов студенческого самоуправления о причинах участия студентов в нем, о том, какие характеристики этой деятельности они считают непривлекательными и даже отталкивающими, и что они обычно ожидают получить от участия в самоуправлении. Несколько десятков интервью со студентами и выпускниками вузов позволили нам описать основные типы (модели) такой вовлеченности. На их основе выделены три ключевые культуры участия в самоуправлении, каждая из которых характеризуется особым сочетанием мотивов, демотивирующих факторов и представлений студентов об эффектах институционализированного студенческого активизма.

Результаты исследования могут быть полезны всем акторам, причастным к студенческому самоуправлению. Руководству вузов могут быть интересны механизмы выстраивания внеучебной деятельности с разными категориями студентов: самоуправление является в ней одним из ключевых, а иногда и единственным студенческим институтом. Региональным и общероссийским организациям, государственным органам исполнительной власти, реализующим образовательную и молодежную политику, учет результатов данного исследования поможет эффективнее налаживать межуниверситетские и надунiversитетские механизмы интеграции студентов в самоуправление за счет более фундаментального понимания превалирующих культур вовлеченности у участвующих в самоуправлении студентов. Наконец, самим студентам результаты исследования дадут возможность понять, как

разные форматы вовлеченности в самоуправление соотносятся с их собственными академическими, карьерными и жизненными стратегиями.

Статья имеет следующую структуру: в первом разделе представлен обзор публикаций, посвященных студенческому самоуправлению и факторам вовлеченности в него, во втором разделе подробно обсуждаются методология исследования и данные, на которых оно основано. Далее рассматриваются результаты исследования: основные типы студенческой вовлеченности в самоуправление, выявленные в ходе анализа интервью. В заключительном разделе статьи полученные данные помещаются в общий контекст работ, посвященных студенческому самоуправлению, а также намечаются направления дальнейшей научной дискуссии.

1. Обзор литературы

Под студенческим представительством в современной научной дискуссии имеется в виду участие студентов в управлении университетом и студенческих объединениях с принятием организованных и институционализированных решений. В более широком контексте системы образования представители студентов являются частью многоакторной структуры управления университетом, так называемого совместного управления (*shared governance*), которое позволяет стейкхолдерам — студентам и сотрудникам университета — участвовать в разработке, формулировании, формировании, обсуждении, принятии и реализации управленческих решений на разных уровнях [Rowlands, 2017].

В России благодаря сформированной нормативной базе закрепился термин «студенческое самоуправление» как в целом тождественный понятию «студенческое представительство» из академических исследований. Однако в понятие «студенческое самоуправление», помимо собственно практик управления университетом, включаются механизмы государственной воспитательной политики и инициативные студенческие организации по интересам. В этом состоит разница между двумя терминами, сложившимися в российской и мировой традициях для обозначения схожих феноменов, относящихся к одному и тому же объекту изучения, — между «студенческим самоуправлением» и «студенческим представительством» (подробнее см.: [Ефимов, 2020]).

Представительство студентов в университете чаще всего позиционируется в качестве объекта исследований либо политической социологии, либо образовательной политики и социологии высшего образования. В рамках первой традиции действуют те авторы, кто изучает социально-политическую активность студентов, в том числе ее выход за рамки университетов и ее продолжение уже во взрослой жизни студентов, например [Boland, 2005; Raaper, 2020]. Представители второй традиции концентрируют усилия на изуче-

нии эффектов студенческого представительства внутри студенческого опыта и системы образования, например [Luescher-Mamashela, 2013; Klemenčič, 2014]. В данной статье мы примыкаем скорее ко второму подходу, хотя, обсуждая мотивацию студентов к участию в самоуправлении, прибегаем и к первому.

Вовлеченность в практики студенческого представительства является важным объектом сравнительных исследований. Некоторые авторы отмечают важную роль институтов студенческого представительства в создании и развитии нетворкинга студентов [Crossley, Ibrahim, 2012]. С другой стороны, уже на первых этапах студенческой жизни заметно неравенство в представительстве студентов разных групп в самоуправлении [Brooks, Byford, Sela, 2015a]. Авторы отмечают гендерное неравенство в составе органов студенческого представительства, и особенно в готовности баллотироваться на руководящие должности: мужчины в этом отношении значительно активнее женщин; классовые, этнические, региональные различия также являются значимыми факторами формирования органов студенческого представительства [Klemenčič, 2014; Brooks, Byford, Sela, 2015a; Ефимов, 2022]. Вероятность участия того или иного студента в студенческом представительстве в значительной степени обусловлена также существующими в сообществе сетями взаимодействия, личных взаимоотношений, дружеских связей [Brooks, Byford, Sela, 2015a].

В России сегодня все еще широко распространены органы студенческого самоуправления, существование и функционирование которых напрямую связано с советским прошлым. В первую очередь это профессиональные союзы студентов, институционально чаще всего наследующие соответствующим структурам советского периода. Другие формы представительства, например советы обучающихся и студенческие советы, сформировались уже в постсоветское время, но под значительным влиянием университетских администраций и их предыдущего опыта [Попов, 2009; Chirikov, Gruzdev, 2014; Ефимов, 2021]. Студенческое самоуправление в России в целом носит корпоративистский характер: его институты как на местном, так и на государственном уровне довольно сильно взаимосвязаны с государственным и университетским регулированием [Ефимов, 2021; Efimov, 2024].

Единой для всех российских университетов модели создания органов студенческого самоуправления нет, в разных вузах применяются разные способы организации выборов и формирования рабочих органов. В недавнем исследовании [Ефимов, 2021] на материале анализа практик 50 ведущих российских вузов мы выделили пять основных источников формирования органов студенческого представительства: академический принцип, тематические организации, профсоюзная организация (профсоюз/профком), общежитийное основание и команды лидеров. В ка-

ждом университете органы студенческого самоуправления могут формироваться исходя как из одного источника, так и из нескольких — комбинированно или независимо.

Тема студенческого самоуправления в высших учебных заведениях России в отечественных работах до сих пор рассматривалась весьма односторонне. Публикации преимущественно посвящены педагогическому моделированию и воспитательной работе. С этой точки зрения студенческое самоуправление рассматривается как часть внеучебной работы университета, в которой студенты, в том числе будущие педагоги, развивают коммуникативные навыки и получают организаторский опыт (например, [Попова, 2007; Куприянчик, 2015]). Гораздо меньше работ, в которых анализируется участие студентов в управлении университетом [Попов, 2009; Chirikov, Gruzdev, 2014; Стегний, 2016; Ефимов, 2021; Ефимов, 2022].

В рамках настоящей статьи мы акцентируем внимание на исследованиях, в которых выявляются ключевые мотивы участия студентов в деятельности органов студенческого самоуправления. Имеющиеся работы целесообразно разделить на несколько групп в зависимости от выборки студентов, оцениваемой на предмет участия в деятельности органов студенческого самоуправления: исследования, объектом которых выступают студенты всех курсов обучения в конкретном университете [Черникова, 2014; Антипьев, 2015; Чичиль, Головина, Кравченко, 2018; Барсова, Пучков, 2021]; исследования выборки студентов разных университетов одной специализации [Новиков, 2010; Куприянчик, 2015]; сопоставление активности в самоуправлении студентов из нескольких университетов разного профиля [Попов, 2009; Горбачева, Павлютенкова, Марусева, 2017].

Судя по результатам исследований, в студенческое самоуправление в российских университетах вовлечены по большей части студенты младших курсов, в среднем несколько чаще студентов, обучающихся в том же городе, где родились, в нем участвуют иногородние студенты, и, кроме того, большинство активистов самоуправления интересуются внутренней жизнью университета. Типичного участника студенческого самоуправления можно описать понятием «локальный активист». Принципиальных различий в факторах мотивации к участию в деятельности студенческого самоуправления между студентами разных курсов, разных специальностей и разных университетов не обнаружено. К таким факторам исследователи относят: опыт организаторской деятельности; получение повышенной государственной академической стипендии; формирование необходимых навыков (*soft skills* и *hard skills*); социализацию, развитие сети полезных знакомств (нетворкинг), а также позитивные эффекты для карьеры.

Косвенно о факторах мотивации к участию в деятельности органов студенческого представительства можно судить на основа-

нии мнений студентов о значимости тех или иных аспектов студенческого самоуправления. Такого рода исследований немного, но они сделаны на основе репрезентативных выборок студентов из нескольких университетов разного профиля [Попов, 2009; Антипов, 2015; Стегний, 2016]. Так, большинство опрошенных студентов считают, что студенческое самоуправление нужно для проведения досуговых и внеучебных мероприятий. Часть опрошенных полагают, что смысл студенческого представительства состоит в объединении студентов, создании общности, совместной социализации. Только на третьем и последующем местах в списке функций органов студенческого самоуправления, составленном на основе опросов студентов, находятся задачи и цели, которые можно отнести к представительской функции: это получение навыков руководства, участие в управлении университетом, представительство и защита интересов студентов в вузе. Таким образом, с точки зрения студентов, современные органы студенческого представительства в российских университетах предназначены в первую очередь для организации культурно-массовых и досуговых мероприятий, координации внеучебного взаимодействия студентов и информирования о нем. Представительскую роль студенческого самоуправления студенты российских вузов считают второстепенной. При этом в мировой практике набирают силу и другие тенденции. Участники фокус-групп, проведенных в Великобритании [Brooks, Byford, Sela, 2015b], отмечали возросшую в последние годы, особенно после консервативных реформ системы высшего образования в 2010-х годах, значимость как раз представительских функций органа студенческого самоуправления в их университете. Впрочем, одновременно они указали на снижение социально-политической активности этого органа. Усиливается «локализация» и «профессионализация» органов студенческого представительства, нарастает активность не только избираемых, но и других участников органов студенческого самоуправления [Raaper, 2020].

Одна из классификаций видов студенческой вовлеченности в учебный процесс, имеющих продолжительную историю исследования, берет начало с работы Б. Кларка и М. Трой [Clark, Trow, 1960] и продолжает концептуально развиваться (например, [Wilder et al., 1996]). В основание своей классификации студенческих субкультур Б. Кларк и М. Трой положили такие признаки, как степень ассоциации студента с университетом и его ценностями, а также заинтересованность студента в углубленном идейно-интеллектуальном либо практикоориентированном развитии. Однако данную концепцию вряд ли удастся напрямую использовать при изучении моделей вовлеченности студентов в соуправление университетом и внеучебную деятельность, так как она рассматривает в первую очередь участие студентов в учебном процессе и их ориентации в

отношении университета в целом. Тем не менее накопленный исследовательский багаж, связанный с типологизацией устойчивых моделей отношения студентов к университетской институциональной и интеллектуальной среде, может быть полезен и в рамках исследования типов участия студентов в самоуправлении.

Обзор публикаций свидетельствует о наличии в исследованиях студенческого самоуправления и факторов мотивации к участию в нем перспективных подходов и концепций. Тем не менее очевидно, что модели вовлеченности студентов в вузовское самоуправление в России на данный момент представляют собой фронтир и очень перспективное поле для разработки. В данной статье мы анализируем представления участников органов студенческого самоуправления не только о факторах, мотивирующих к участию в самоуправлении, но и о барьерах к нему, а также о потенциальных эффектах участия в самоуправлении для студентов с разными типами мотивации. На основании полученных данных мы предлагаем несколько комплексных моделей вовлеченности в самоуправление.

2. Методология

Основу массива данных для исследования составляют 72 полуструктурированных интервью с руководителями и участниками разных органов студенческого самоуправления в российских вузах. Все интервью проведены в октябре-ноябре 2022 г. Выборка респондентов формировалась исходя из созданной командой исследователей на предыдущем этапе работы базы данных по системам студенческого самоуправления российских вузов, перечень кейсов в которой был изначально задан информационно-аналитическими материалами, полученными в ходе проведения Мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования за 2022 г.³ В выборку исследования, как и в выборку упомянутого мониторинга, не входят вузы, осуществляющие подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка.

При формировании выборки мы исходили из принципа обеспечения максимального разнообразия. Мы сочли необходимым включить в выборку респондентов, представляющих все основные присутствующие в генеральной совокупности институциональные характеристики вузов: ведомственную принадлежность, наличие или отсутствие особого статуса. При этом мы стремились сохранить пропорции распределения университетов по федеральным округам, по численности и по характеру студенческого контингента. Так, среди наших респондентов 17 человек учатся в вузах Центрального федерального округа, 16 — Северо-Запад-

³ Используя материалы для составления перечня вузов материалы мониторинга доступны по адресу: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (дата обращения: 02.11.2024).

ного, 15 — Приволжского, 7 — Сибирского, по 5 — Дальневосточного, Уральского и Южного, 1 — Северо-Кавказского. Еще один респондент представляет не вуз, а одну из общероссийских организаций, занимающихся студенческим самоуправлением. 22 респондента отобраны из вузов, в которых учатся меньше 3 тыс. студентов, 24 респондента учатся в вузах с численностью студентов от 3 до 7 тыс., оставшиеся 25 респондентов — это студенты вузов, в которых обучаются больше 7 тыс. человек, и среди них 12 респондентов представляют университеты с численностью обучающихся больше 11 тыс. человек. Что касается специализации вузов, 26 респондентов учатся в университетах с преобладанием студентов, изучающих науки об обществе, 20 респондентов представляют вузы со специализацией в инженерном деле и технических науках, 11 — в здравоохранении и медицинских науках, 8 — в образовании и педагогических науках, трое — в сельском хозяйстве. Еще трое респондентов оказались в группе «прочие». Сформированная выборка позволила отразить российское студенческое самоуправление с учетом как региональных, так и дисциплинарных различий, а также с учетом особенностей структур управления в вузах разного размера. Гендерный баланс в выборке респондентов, состоящей из 39 женщин и 33 мужчин, также выдерживается.

Команда исследователей, используя найденные в ходе предварительной работы контактные данные органов студенческого самоуправления (чаще всего группы в социальных сетях, в основном VK, реже — *Telegram*), связывалась в текстовых сообщениях с представителями их руководства и договаривалась о проведении интервью посредством электронной коммуникации (аудио/видеозвонки в *Zoom*, *Webinar*, *Telegram*, VK с записью). В одном случае интервью проведено очно, а аудиозапись осуществлялась посредством диктофона. Средняя длительность интервью составила 61 минуту. Гайд интервью содержал несколько блоков вопросов, в том числе «Рассказ о себе и своем студенческом бэкграунде», «Формирование и функционал студенческого самоуправления», «Практики вовлечения людей в деятельность органов самоуправления», «Мотивы и эффекты участия студентов в самоуправлении». В данном исследовании нас интересуют прежде всего представления респондентов о том, какими мотивами, в том числе отрицательными, руководствуются студенты при принятии решения об участии в работе органов вузовского самоуправления, а также какие эффекты они получают от этого участия. Записи всех интервью транскрибированы и анонимизированы. При цитировании фрагментов интервью в тексте статьи приводятся вымышленные имена респондентов.

В анализе полученных данных применяются техники кодирования и тематического анализа [Bazeley, 2013; Bryman, 2016; Полухина и др., 2023]. Для определения списка тематических кодов

команда исследователей провела несколько итераций обсуждения. Сначала рассматривались те гипотезы о факторах мотивации и демотивации студентов к участию в самоуправлении и эффектах от него, которые выделялись в предшествующих исследованиях (социализация, опыт, материальные стимулы и т.д.) и были подробно рассмотрены в обзоре литературы. Далее в течение нескольких этапов обсуждения первичный список был расширен за счет тех суждений о факторах и эффектах, которые были упомянуты респондентами. На завершающей стадии формирования списка тематических кодов все элементы с одинаковым или очень близким смыслом были объединены. Получившийся полный перечень стал основой для кодирования отдельных интервью в соответствии с тем, какие элементы списка в них упоминаются.

После еще нескольких раундов обсуждений, исходя из анализа группировки факторов и эффектов, мы перешли к нескольким обобщающим их группам. В процессе группировки на одном из этапов первичного соотнесения элементов друг с другом применяется иерархический кластерный анализ, построенный с применением метода Варда [Kaufman, Rousseeuw, 2009]. Для каждого тематического кода обозначен ряд из 72 бинарных значений (0/1), соответствующий наличию или отсутствию его упоминания в конкретном интервью. После этого для сравнения тематических кодов между собой на основе сформированных рядов бинарных значений рассчитаны коэффициенты Жаккара, обозначающие сходство, и на их основе — расстояния для проведения процедуры иерархической кластеризации. К примеру, если бы два разных тематических кода (скажем, «социализация» как фактор мотивации и «учебная нагрузка» как фактор демотивации) встречались в заявлениях респондентов из одинакового набора интервью (№ 1, 7, 23, 64), мы бы сделали вывод, что такие компоненты обладают максимальным сходством и минимальным (нулевым) расстоянием. В таком случае эти два тематических кода причислялись бы к одному кластеру на любой стадии иерархической кластеризации. Напротив, если бы упоминание двух тематических кодов встречалось в двух непересекающихся наборах интервью, это означало бы, что они обладают минимальным (нулевым) сходством, максимальным расстоянием и практически на всех этапах иерархической кластеризации принадлежат к разным кластерам. Эти два гипотетических случая — крайние варианты, реальные данные представляют собой частично совпадающие множества интервью с упоминанием тех или иных тематических кодов, и их группировка в кластеры зависит от соотношения величины пересекающихся и не пересекающихся множеств между собой: чем более значимым является пересечение множеств, тем в большей степени на протяжении процесса кластеризации два тематических кода будут относиться к одному и тому же кластеру.

Базовая группировка тематических кодов, полученная по результатам кластерного анализа и свидетельствующая об их сочетаемости друг с другом, далее обсуждалась исследовательской командой, и на ее основе после некоторых корректировок с учетом контекстов упоминания тех или иных тематических кодов сформированы три ключевые группы упоминаемых респондентами представлений о мотивирующих и демотивирующих студентов факторах участия в самоуправлении и эффектах от него.

Анализируя эти три группы представлений, мы опирались, с одной стороны, на опыт предыдущих исследований типов мотиваций участников студенческого самоуправления, а с другой — на важные для понимания классификации студентов с точки зрения их целей и поведения модели студенческих субкультур вовлеченности в учебный процесс [Clark, Trow, 1960]. На основе этого анализа мы вводим новый концепт — «культура участия в студенческом самоуправлении». Этот концепт идейно вдохновлен и классической моделью политических культур [Almond, Verba, 1963] — ее приложением к рассмотрению студентов в роли участников сообщества и комплекса установок, определяющих модели их поведения и участия, только не во внутривнутриполитических, а во внутриуниверситетских процессах. Таким образом, культура участия в студенческом самоуправлении характеризует комплекс установок студентов в отношении собственной вовлеченности в институциональный активизм: мотивы, факторы и обстоятельства, способствующие или препятствующие ему, а также ожидания от итогов такой вовлеченности. Иными словами, уходя от интеллектуально ориентированных студенческих субкультур и от ориентированных на гражданское участие политических культур, мы рассматриваем, по сути, их пересечение в контексте университетского студенческого сообщества.

Проведенный анализ позволил выделить три основных вида культур участия в студенческом самоуправлении, каждый из которых характеризуется специфическим сочетанием представлений респондентов о наиболее важных мотивах и демотивирующих факторах, а также об эффектах от участия студентов в самоуправлении. Основные характеристики этих культур — базовой, прагматической и гражданской — и их соотнесение с ключевыми тематическими кодами представлены в табл. 1.

Таблица 1. Характеристики культур участия в студенческом самоуправлении

Культура	Базовая	Прагматическая	Гражданская
Ключевые мотивирующие факторы	Социализация, самореализация, освоение навыков и получение опыта, развлечение	Нетворкинг, материальная мотивация, вдохновение чужим примером	Желание помогать людям, желание изменить мир, жажда социального признания

Окончание табл. 1

Культура	Базовая	Прагматическая	Гражданская
Ключевые демотивирующие факторы	Учебная нагрузка, незаинтересованность	Работа как альтернативные издержки, негативные эмоции к людям/институтам	Избегание ответственности, негатив преподавателей по отношению к самоуправлению, общественное непонимание
Суть стратегического выбора	Внеучебная жизнь vs учебная нагрузка	Студенческое самоуправление vs ранний выход на рынок труда	Социальный активизм vs внутреннее выгорание и внешняя враждебность среды
Ключевые эффекты	Развитие социальных связей, освоение навыков, нехватка времени на учебу	Улучшение личного самочувствия, продвижение в карьере, материальная выгода, сложность совмещения с работой	Развитие ценностей, эмоциональное выгорание

В качестве вспомогательных сведений для описания контекстов в следующих разделах используются открытые данные о системах студенческого самоуправления в российских вузах.

3. Результаты исследования

3.1. Базовая культура: «Самоуправление — это песочница»

Первая модель вовлеченности студентов в самоуправление подразумевает наличие базового набора факторов, который часто рассматривается как характерный для активной внеучебной деятельности в целом: студенты представляют самоуправление как инструмент социализации, «песочницу» для самореализации и приобретения опыта в безопасном формате. Как правило, эти цели достигаются, если найден баланс с основным занятием студента — учебой и если ему в целом интересна внеучебная жизнь.

Студенты, чью культуру участия в студенческом самоуправлении мы расцениваем как базовую, в первую очередь воспринимают это участие как основной способ социализироваться в новой среде, обрести широкий круг друзей и знакомых, стать частью большого коллектива. Целью знакомств становится приятное времяпрепровождение. Как отмечает студентка 3-го курса Анастасия,

самое важное в любом органе самоуправления — это комьюнити, это тусовка, если она существует, если она живая, нормальная (интервью № 60).

Именно пребывание «в тусовке» и определение своего места в конкретном коллективе — ключевое переживание в базовой культуре участия. Студенческое самоуправление становится в представлении студентов важным, а во многих вузах — практиче-

ски единственным каналом внутренней социализации. Совместные мероприятия, проекты и другие инициативы, над которыми работают студенты, способствуют возникновению и укреплению отношений между ними. При этом довольно часто студенты приходят к выбору этого канала социализации «по тропе зависимости»: активисты студенческого самоуправления представляют свою текущую деятельность как продолжение школьного опыта, где они были президентами классов, членами школьных советов и др. Студентка 4-го курса Виктория рассказывает:

...в самоуправление пришла осознанно, потому что в школе в свое время открыла для себя самоуправление школьное (интервью № 34).

Виктория утверждает: она понимала, что в университете без этого «не сможет существовать в студенческой жизни, ей будет скучно, неинтересно». При этом участие в самоуправлении часто рассматривается и как возможность развлечься, как захватывающий и интересный жизненный эпизод. Студентка 5-го курса Яна отмечает, что студенты

хотят разнообразить свою студенческую жизнь: заниматься одной учебой — это, конечно, классно, но ты не запомнишь вот эту всю яркую студенческую жизнь, если ты будешь просто сидеть учиться (интервью № 62).

Другим краеугольным камнем базовой модели студенческой вовлеченности в самоуправление является желание самореализоваться, что-то попробовать, набраться опыта в тот момент и в том формате, который дает право на ошибки. Участие в студенческом самоуправлении выглядит для студентов как возможность выработать и применить навыки, лидерский и творческий потенциал для реализации собственных идей и проектов. Такая возможность привлекает многих, особенно в тот период, когда перспективы применения получаемых знаний по основному направлению подготовки еще не ясны или требуется получить либо расширить практику применения получаемых знаний. Для студентки 3-го курса бакалавриата Жанны, по ее словам, студенческое самоуправление

...во-первых, это шанс реализовывать какие-то свои мечты. Очень многие [студенты] приходят со словами: «У меня давно есть такая идея, и я хотел бы ее реализовать». А мы — это тот орган, который помогает. Мы ни одну идею пока не отвергли. То есть, если у нас есть возможность помочь ребятам, почему бы нет, мы стараемся помочь, потому что обычно любая идея находит отклик (интервью № 49).

Естественными ограничителями такой модели участия в студенческом самоуправлении выступают общая незаинтересованность студентов во внеучебной деятельности, а также приоритетность для них выполнения обязательств по учебной программе. Согласно заявлениям респондентов, серьезным барьером к участию в самоуправлении является именно учебная нагрузка: те, кто большую часть времени тратит на учебу или представляет университет только как средство получения знаний или диплома, не воспринимают студенческое самоуправление как интересный способ времяпровождения и не заинтересованы в социализации такого типа. По словам студентки 3-го курса Наталии,

есть в этой жизни такие люди, которым мало что интересно [во внеучебной жизни], и, в частности, деятельность в студенческом активе им может показаться лишней тратой времени, сил и других ресурсов (интервью № 32).

У некоторых студентов такие барьеры к участию в студенческом самоуправлении возникают в результате накопительного эффекта: активно работающий в самоуправлении студент может со временем осознать, что эта работа отнимает слишком много ресурсов, и тогда нехватка времени в его представлении станет причиной прекратить работу в органах самоуправления. Перед студентами, которые уже начали свой путь в студенческом самоуправлении, нередко встает проблема совмещения учебной и внеучебной активности: в силу значительной нагрузки они могут испытывать трудности в эффективном управлении временем и сочетании общественных обязанностей с выполнением учебных заданий и регулярным посещением занятий. Многим из них, как утверждает студентка 4-го курса Евгения,

из-за каких-то мероприятий приходится пропускать пары, а потом приходится их отрабатывать, и многие студенты из-за того, что учеба для них все-таки важнее — они хотят идти на красный диплом — бросают самоуправление (интервью № 40).

Опыт участия в самоуправлении в рамках базовой культуры вовлеченности действительно обладает, по словам респондентов, значительным потенциалом для укрепления социальных связей и формирования навыков. Те мотивации, которые мы рассмотрели выше, оказываются оправданными. Эту модель вовлеченности в той или иной мере отмечают респонденты практически из всего спектра вузов. В значительной части вузов она остается единственной и ключевой, в других сочетается с прочими культурами участия. Чаще базовая культура характерна для более молодых студентов, в то время как более зрелые скорее примыкают к дру-

гим культурам либо на старших курсах прекращают участие в студенческом самоуправлении.

3.2. Прагматическая культура: «Выходя из самоуправления, ты не будешь плыть по течению, будешь проще ориентироваться по жизни»

Прагматический тип вовлеченности в самоуправление обычно характерен для тех обучающихся, которые ищут в студенческом представительстве не просто общение, а сеть полезных знакомств и связей, и не просто навыки, а возможность их непосредственно применить для устройства на работу и карьерного продвижения, причем не обязательно по своей профильной специальности. Немало в этой группе студентов и тех, кто видит в самоуправлении возможности текущего заработка. Прагматическая культура вовлеченности представляет собой комплекс рациональных и эгоистических подходов к участию в студенческом самоуправлении, ориентированный на конкретные личные выгоды в материальном отношении, нетворкинге и карьерном развитии, но также, впрочем, и на улучшение личного самоощущения и балансирование рабочих усилий с отдыхом и развлечением. Ключевыми «подводными камнями», на которые может натолкнуться участие в самоуправлении, здесь являются именно интересы карьеры и возможность рассматривать сферу самоуправления как эмоционально комфортную среду общения и развития контактов. Прагматическая культура не будет формироваться там, где студент воспринимает самоуправление как препятствие к продвижению на рынке труда, а также будет не очень популярной в случае, если студенческое самоуправление в вузе и для студента сопряжено с большим числом внутренних конфликтов и негативных эмоций — и, как следствие, становится малоприменимым для целей нетворкинга.

Для прагматической модели участия в студенческом самоуправлении характерны устойчивые межличностные связи между его участниками. Эти связи проявляются по-разному, но в любом случае имеют свойство сохраняться и приносить пользу всем участникам: иными словами, мы имеем дело с классической моделью нетворкинга. Как отмечает студент 4-го курса Павел,

студенчество — это самый крутой период в жизни каждого человека. Здесь ты находишь единомышленников: когда ты приходишь в какое-то направление, которое тебе интересно, то туда также приходят и другие люди, которым это интересно. Появляются новые друзья, появляются новые возможности на будущее (интервью № 29).

Крепкие личные связи и полезные знакомства сами по себе оказываются важным фактором вовлечения в самоуправление студентов, которые видят перед собой примеры достижений других активистов. Вдохновение, которое порождает у студентов

успехи их друзей — ровесников и старших, становится важным фактором мотивации в этой культуре. По словам студента 4-го курса Никиты,

при поступлении у меня перед глазами был опыт выпускников. Я смотрел на них и понимал, что можно у них учиться, следовать по их пути и делать так же прикольно. Можно выступать, как они, плотно продвигаться (интервью № 37).

Таким образом, роль нетворкинга и развитых межличностных связей в прагматической культуре участия в самоуправлении сложно переоценить.

Прагматическое участие в студенческом самоуправлении представляется студентам возможностью в перспективе получить импульс к карьерному продвижению и уточнить собственную карьерную траекторию. Эта возможность может реализовываться в разных вариантах: работа в вузе, работа в сфере молодежной политики, в сфере управления в рамках собственной специальности и не только, ивент-менеджмент. По словам студента 4-го курса Леонида,

участие в студсоветах большинством работодателей, большинством госструктур воспринимается всегда положительно, потому что это непосредственно политическая структура, это, грубо говоря, опыт управления, опыт управленческой деятельности (интервью № 24).

Вне зависимости от выбранной карьерной траектории опыт участия в студенческом самоуправлении оказывается полезен при формировании резюме, устройстве на работу и в процессе ее поиска за счет наработанных знакомств. Участие в студенческом самоуправлении довольно часто рассматривается как полноценный опыт работы, и в этом качестве также может быть полезно для формирования карьерной траектории студента. Как отмечает студент 3-го курса Максим,

очень много людей, которые связаны со студенческим самоуправлением, потом находят себя в каких-либо органах молодежной политики, в [вузовском] центре молодежных инициатив — во всем, что связано с общественной деятельностью и с молодежью. Но они могут найти себя не только в этом. Если они хорошо писали посты для студенческого совета, их потом могут пригласить в какое-нибудь издание и так далее. Студенческому самоуправлению как специальности нигде не учат, поэтому все эти гибкие навыки, которые накладываются, обретаются, — они потом могут стать навыками именно для какой-нибудь профессии (интервью № 48).

Прагматическая культура участия в студенческом самоуправлении совсем не обязательно замыкается на сугубо утилитарных мотивах взаимодействия с другими людьми. Обретенная студентами уверенность в себе, комфортное личное самоощущение пригодятся не только в дальнейшей карьере, но и во многих других жизненных ситуациях. По мнению студентки 5-го курса Ксении, например, самоуправление

...учит уверенности в первую очередь. Это из тех ситуаций, когда тебе нужно раз — и выйти, и что-то сказать, не растеряться, а уверенно ответить на любой вопрос не только студентов, но и от администрации, в какой-то момент и получить тумачков, конечно, но прийти, понять, осознать свои ошибки и исправить. И потом по жизни человеку это пригождается (интервью № 4).

В некоторой степени для прагматически настроенных студентов — участников самоуправления характерна и прямая материальная мотивация. Ее формированию активно способствуют университетские администрации, которые выдают повышенные государственные академические стипендии и материальную помощь студентам — активистам самоуправления, в приоритетном порядке учитывают их достижения при принятии решений о переводе на бюджетные места и поступлении на новые ступени образования и образовательные программы в вузе. Как отмечает студентка 4-го курса Валерия,

общественная деятельность — это всегда много грамот, и это дает тебе возможность получать какие-то деньги от университета (интервью № 5).

Распределение материальных благ исторически является приоритетной сферой деятельности для многих органов студенческого самоуправления [Chirikov, Gruzdev, 2014; Chirikov, 2016; Ефимов, 2021], особенно для профсоюзных организаций, и зачастую именно они и осуществляют оперативное управление в ней, что тоже способствует устойчивости прагматической мотивации.

Когда данная модель не работает? Когда предпосылки для нее не складываются по тем или иным причинам, связанным со спецификой направления подготовки студента, его альтернативных карьерных возможностей, а также атмосферы межличностных взаимоотношений, которые могут не только способствовать нетворкингу, но и препятствовать ему. Мы имеем в виду, например, ситуацию, когда уже на относительно ранних стадиях студенчества ключевым приоритетом, источником саморазвития и каналом нетворкинга для студента становится именно работа. Чаше других такое препятствие к участию в студенческом самоуправ-

лении отмечают респонденты математических и технических направлений подготовки, но, разумеется, его распространенность не ограничивается ими. Стратегический выбор между выходом на рынок труда и деятельностью в органах студенческого самоуправления — пожалуй, главная развилка для данной культуры участия. Как отмечает студент 4-го курса Александр,

многие практически сразу выбирают работу и не занимаются внеучебной деятельностью, упускают эту стадию социального пути и идут сразу работать (интервью № 69).

Существенным фактором, определяющим возможность формирования прагматической культуры участия, становится внутренняя конфликтогенность студенческого сообщества — то, насколько реальным оказывается создание сетей нетворкинга, крепких межличностных взаимоотношений между участниками. Когда такие сети не сформированы, студенты реже представляют самоуправление как платформу для полезной коммуникации. Так, по словам студентки 4-го курса Мариин,

коллектив может оттолкнуть: ребята не по душе, тебе не нравится, тебе не прикольно с ними, ты не понимаешь их юмора или еще чего-то (интервью № 27).

При наличии большого числа внутренних конфликтов такая культура вовлеченности студентов едва ли имеет шансы на распространение — просто из-за отсутствия долгосрочного доверия между студентами, вовлеченными в самоуправление. В таких условиях быстро иссякает приток новых участников и снижается мотивация у тех, кто все-таки начинал заниматься активизмом, — настолько, что и они выходят из состава органов студенческого самоуправления. Студент 5-го курса Святослав объясняет это так:

Из-за того, что у нас две таких студенческих организации, некоторые студенты не совсем понимают разницу между ними, представляют, что студенческий совет и профсоюз соревнуются и спорят. Поэтому [студенты] относятся скептически и предпочитают оставаться ни на чьей стороне <...> не доверяют никому (интервью № 57).

Прагматическая культура участия в самоуправлении часто характерна для тех вузов и органов студенческого самоуправления, которые активно развивают внешние связи, распространяют сети нетворкинга за пределы собственной организации. Она также более свойственна опытным студентам, чем приходящим в самоуправление новичкам. Реже она встречается там, где структура самоуправления довольно сложная и потенциально конфликт-

ная и, наконец, там, где студенты изначально имеют высококонкурентные альтернативы студенческому самоуправлению в плане карьеры и раннего выхода на рынок труда.

3.3. Гражданская культура: «Может быть, у меня получится что-то поменять для того, чтобы другим студентам лучше жилось»

В отличие от базовой и прагматической, в гражданской культуре участия в самоуправлении в центре внимания оказывается не сам студент, а люди и институты вокруг него. В этой системе координат студент воспринимает самоуправление как возможность не столько присоединиться к коллективу или получить конкретный набор навыков, сколько проявить свою гражданскую позицию. В основании вовлеченности в студенческое самоуправление в этом случае лежит желание помогать другим людям, менять мир вокруг себя — хотя бы в масштабах университета или его отдельного уголка, получать социальное признание за свой альтруизм и за свои достижения во благо общества. Впрочем, сам студент, проникающийся подобным образом мыслей и действий, его ценности и его психоэмоциональное состояние не менее значимы для этой модели, ведь внутреннюю альтруистическую мотивацию необходимо чем-то поддерживать. Конечно, формирование вовлеченности такого типа сложно себе представить, если студент плохо понимает цели самоуправления или не спешит брать на себя ответственность за других людей. Важным фактором создания в вузе гражданской культуры участия в студенческом самоуправлении являются также складывающиеся у студентов представления о характере отношения преподавателей к студенческому активизму: если это отношение откровенно негативное, в вузе фактически возникает межкорпоративный конфликт и формирование вовлеченности гражданского типа оказывается сильно затрудненным.

Ведущий мотив в гражданской культуре студенческого самоуправления — альтруизм как желание помогать людям, менять мир для того, чтобы им стало лучше, по крайней мере в представлении самого студента. Такая мотивация часто сопряжена с развитой эмпатией: студенты хотят использовать свои способности и ресурсы, чтобы помогать другим людям, и студенческое самоуправление становится той самой площадкой, где они могут этого добиться. Как отмечает студентка 6-го курса Маргарита, у таких участников студенческого самоуправления

...идет очень сильное желание помогать людям, нести какой-то альтруизм — это желание нести какое-то просвещение людям и помогать им, наверное, то, что их приободряет и дает силы продолжать дальше (интервью № 10).

Серьезным барьером на пути формирования гражданской культуры участия становится неготовность принять на себя ответ-

ственность за других людей. Одного желания помогать недостаточно. Студентка 3-го курса Дарья поясняет это так:

Многие просто боятся ответственности — это основной критерий, который во многое упирается, то есть ты не знаешь, что ты можешь, но ты и не хочешь знать, потому что, блин, а это же ответственность (интервью № 8).

Желание изменить те или иные местные порядки, перестроить рабочие процессы в организации, улучшить их без прямой связи с непосредственной помощью конкретным людям также в ряде случаев оказывается весьма значимым для студентов, вовлеченность которых в студенческое самоуправление описывается этой моделью. Так, например, по словам Дениса, выпускника вуза и участника общероссийских органов студенческого самоуправления, периодически бывает так, что студент

...просто себя как гражданский активист ощущает, он через это реализует свои гражданские инициативы и может весомо повлиять в целом на определенную составляющую жизни университета (интервью № 3).

Таким студентам — не всем, но многим — важно признание их заслуг, публичные свидетельства того, что их усилия не были бессмысленными и напрасными. Специфика гражданской культуры вовлеченности состоит в том, что ее ориентация вовне — на других людей и институты — во многом базируется на стабильности внутреннего состояния студента, факте ощущения им справедливости общества и признания обществом его заслуг. Студент 3-го курса Леонид описывает опыт такой вовлеченности как

...внутреннее ощущение того, что ты находишься в том месте, где тебя ценят, тебя уважают, где у тебя есть люди, которые всегда за тебя горой (интервью № 45).

Значимость внутреннего психоэмоционального состояния, ценностных установок студента для формирования вовлеченности данного типа в полной мере раскрывается при рассмотрении потенциальных барьеров и эффектов от участия в студенческом самоуправлении с гражданских позиций. Безусловно, одним из наиболее весомых последствий является общее развитие ценностного поля, формирование у человека понимания социально-политических процессов, закономерностей общественного развития. Так, например, по словам студентки 5-го курса Елены,

...люди могут выходить из этого, осознавая, чего бы им хотелось в будущем и что такое студенческое самоуправление на

самом деле, что такое гражданский активизм, что такое мнение в целом, что такое коллективное действие (интервью № 35).

Студентов с таким типом вовлеченности в деятельность самоуправления в вузе чаще всего немного, и их взгляды на цели, задачи и методы осуществления студенческого активизма порой могут вступать в противоречие с мнением большинства коллег. Такие противоречия могут стать барьером к вовлечению студента в студенческое представительство, если деятельность органов самоуправления в ее текущем виде не соответствует сформировавшимся у него ценностным установкам. Например, студентка 3-го курса Яна отмечает:

В прошлом году у нас не было большого набора — никто просто не понимал, зачем, что это вообще такое. И как будто бы не ощущали какого-то результата (интервью № 70).

У студентов, вовлекающихся в самоуправление с гражданской мотивацией, необходимость преодолевать барьеры на пути осуществления альтруистических целей тоже, к сожалению, дает накопительный эффект, приводящий к эмоциональному выгоранию. Здесь могут сказываться и опыт взаимодействия с коллегами с другими типами вовлеченности, и соотношение затрачиваемых усилий и результата, субъективно воспринимаемое как несправедливое, и общее напряжение, возникающее из-за конфликтов, в которые вовлекается студент, активно отстаивая свою позицию. По словам студентки 4-го курса Елизаветы, сложности в работе студенческого самоуправления, направленной на улучшение жизни студентов, довольно часто

...приводят к выгораниям, приводят к тому, что они [студенты] разочаровываются и перестают этим заниматься, не хотят этим заниматься, остаются в совете балластом либо уходят, создавая очередную проблему для совета, которому нужно добирать людей, чтобы работать (интервью № 11).

Выгорание, нестабильное эмоциональное и психическое состояние становятся, по мнению респондентов, предвестниками прекращения участия в студенческом самоуправлении.

Среди других барьеров, которые характерны для формирования данного типа вовлеченности студента в самоуправление, следует отметить сложность взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом университета. Чаще всего фигура преподавателя обладает достаточно весомым авторитетом для студента с альтруистической мотивацией, стремящегося улучшать жизнь в своем университете. Если преподавательская

корпорация негативно настроена по отношению к студенческой и к ее представителям и публично выражает этот негатив в коммуникации со студентами, формирование комплекса альтруистических и гражданских мотиваций, направленных на развитие университета и помощь членам вузовского сообщества, оказывается затруднено. В этой ситуации студенты не считают участие во внеучебной деятельности удачной стратегией. Магистрант 2-го курса Никита говорит:

Преподаватель — это главный мотиватор и демотиватор, потому что вся основная деятельность [студента], она происходит с преподавателем. И то, насколько он будет вовлечен или не вовлечен, тоже будет зависеть от преподавателя. Соответственно скепсис со стороны преподавателя к студенческому самоуправлению, негативный опыт преподавателя в работе со студенческими организациями, с людьми в этих организациях и объединениях может сыграть очень значительную роль в невовлеченности студентов (интервью № 30).

В целом гражданская культура участия в самоуправлении, как и прагматическая, скорее характерна для более возрастных студентов, хотя, по наблюдениям респондентов, встречается на ранних стадиях обучения несколько чаще прагматической. Она с большей вероятностью формируется в селективных университетах, и, кроме того, довольно часто о ней говорят студенты медицинских вузов. Принимая во внимание значимость отношения к студенческому самоуправлению со стороны преподавателей, можно предположить, что гражданская культура участия будет более характерна для вузов с относительно молодым преподавательским составом.

4. Дискус- сия и выводы для образо- вательной и молодежной политики

Более комплексное, по сравнению с большинством предыдущих исследований, рассмотрение моделей вовлеченности студентов в самоуправление в вузе, выделение трех ключевых типов культуры вовлеченности позволяет по-новому взглянуть на ландшафт студенческой внеучебной активности в России и на регулируемую эту активность образовательную политику.

Рассмотренные нами культуры участия в студенческом самоуправлении — базовая, прагматическая и гражданская — включают широкий спектр представлений студентов о факторах мотивации к участию в самоуправлении, барьерах на пути ее формирования и эффектов от такого участия. Полученные данные существенно расширяют представления о закономерностях становления мотивации к участию в студенческом самоуправлении, сложившиеся на основании предыдущих работ [Попов, 2009; Ан-

типьев, 2015; Стегний, 2016], в которых выделена лишь небольшая совокупность факторов позитивной мотивации, в первую очередь связанных с социализацией и развлечением студентов. Модели участия в студенческом самоуправлении, основанные на полученных нами данных, учитывают и личностные характеристики студентов, и их специфические запросы, и воздействие внешней среды, они включают отдельно обозначенные факторы демотивации, а также эффекты от участия в студенческом самоуправлении. Концепция культур участия предполагает не просто группировку факторов мотивации, демотивации и ожидаемых эффектов от участия в самоуправлении, но и выявление наиболее часто наблюдаемых сочетаний этих характеристик. Культура участия не является строго персонифицированной характеристикой, не представляет собой «типичного портрета участников самоуправления». Несмотря на наличие устойчивых сочетаний выделенных представлений о факторах и эффектах, тот или иной студент, объясняя мотивы своей вовлеченности в деятельность органов студенческого самоуправления, может приводить набор элементов из разных культур, причем у разных студентов эти элементы будут в разной степени влиятельными. Кроме того, сами по себе выделенные культуры — довольно обобщенные категории и могут предусматривать дополнительную внутреннюю типологию, подробное рассмотрение которой составляет предмет отдельного исследования.

Определив систему координат для оценки студенческой вовлеченности в самоуправление, мы получаем возможность содержательно сравнить российских студентов со студентами других стран, выделить характерные для них черты. Например, на основании серии исследований, проведенных в британских университетах [Brooks, Byford, Sela, 2015b], авторы заключили, что позиция студента в отношении участия в самоуправлении может быть описана с помощью ключевой дихотомии: представительство во внутреннем самоуправлении vs более общий социально-политический активизм. Судя по полученным нами данным, позиция современных российских студентов лучше описывается трехполярной моделью: это не столько конфликт между локальным представительством и общегражданским активизмом, сколько многоуровневая структура, в рамках которой значительная часть студентов воспринимает самоуправление как пространство для социализации и экспериментов, другая часть — как платформу для развития профессиональных навыков, сети знакомств и повышения материального благополучия, а третья — как возможность изменить локальное сообщество и проявить себя в качестве активиста. При этом представительская роль (функция) студенческого самоуправления для российских студентов оказывается явно не на первом месте, в этом отношении полученные нами результаты подтверждают и развивают уже выдвигавшие-

ся ранее гипотезы [Попов, 2009; Антипов, 2015; Стегний, 2016]. При этом, конечно, факторы мотивации, демотивации и эффекты участия в самоуправлении, которые движут каждым конкретным студентом, могут принадлежать к разным культурам участия, внутри одного вуза могут и будут встречаться представители разных культур участия в самоуправлении или их сочетаний, но какие-то из них будут превалировать. Рассмотренные культуры как концепт представляют собой не столько конфликтные основания для участия в самоуправлении, сколько разные взгляды на характер такого участия или даже разные формы вовлеченности студентов в самоуправление.

Разумеется, важно учитывать ограничения, присущие дизайну данного исследования. Во-первых, суждения о факторах, потенциально способных демотивировать студентов к участию в самоуправлении, принадлежат респондентам, которые сами активно работают в органах самоуправления. Следовательно, здесь мы можем столкнуться с «ошибкой выжившего»: интервьюируемые высказывают предположения о причинах, по которым студенты не начинают деятельность в самоуправлении или завершают ее, но вполне могут упускать из вида некоторые факторы демотивации, характерные для не очень знакомых им категорий студентов. Во-вторых, мы анализируем представления об эффектах от участия в самоуправлении, которые сложились у ныне действующих активистов. Конечно, в полной мере оценить такие эффекты можно лишь спустя годы после завершения университетской активности, хотя, с другой стороны, такие впечатления касались бы уже не вполне актуальных институтов и практик в сфере высшего образования, молодежной политики и работы органов студенческого самоуправления. Третьим ограничением является качественный дизайн работы: мы изучаем спектр существующих представлений и практик, но не имеем достоверной возможности количественно оценить степень их распространенности в студенческой среде.

Тем не менее предлагаемая типология культур участия и описание элементов этих культур позволяют всем, кто заинтересован в развитии самоуправления в вузах и вовлечении в него новых участников, выстраивать политику и действовать в соответствии с преобладающими и значимыми культурами участия в конкретном студенческом сообществе. Так, университету, в котором не получили значимого распространения никакие модели вовлеченности в самоуправление, кроме базовой, целесообразно в первую очередь сосредоточить усилия на контроле «точки входа» — на начальном этапе обучения студентов в университете. Нужно постараться найти всех студентов, обладающих совсем недавним опытом школьного самоуправления, и в рамках адаптационных мероприятий представить им самоуправление студенческое как продолжение прошлого опыта, возможность развиваться в этом

поле дальше. «Точкой входа», безусловно, ограничиваться не стоит, важно создать пространство возможностей для инициативной самореализации студентов и на старших курсах, например институционализировать механизм поддержки инициативных студенческих проектов или проводить больше вовлекающих мероприятий для студентов разных групп, не концентрируясь исключительно на первокурсниках. При этом, конечно, нельзя забывать и о мониторинге успеваемости вовлеченных в самоуправление студентов.

В студенческом сообществе со значимым представительством прагматической культуры эффективной стратегией вовлечения студентов в самоуправление может стать выстраивание системы четких материальных стимулов, включая повышенные стипендии, переводы на бюджет, скидки на обучение и т.п. Студенты этой культуры при принятии решений об участии в самоуправлении очень рациональны. От активизма, кроме прямой выгоды, они ждут и косвенную, и университету стоит в этом случае настроить для участников самоуправления нетворкинговые каналы, которые будут включать их действующих и бывших коллег, представителей администрации университета, структуры схожего профиля интересов — органы власти и общественные организации. Такие каналы могут быть созданы как на университетском уровне, например сообщества выпускников, менторские программы, эндаумент-фонды, так и на уровне региона или страны: скажем, региональный студенческий совет или совет обучающихся при профильном министерстве. В любом случае необходимо помнить, что данная культура чаще всего действует только до полноценного выхода студентов на рынок труда, поэтому важно проводить мониторинг его состояния для студентов и выпускников.

Если же в вузе весьма влиятельна гражданская культура участия, то ключевым для него вопросом становится формирование конструктивной внутренней коммуникации между студентами, преподавателями и администраторами. Содействовать распространению культуры такой коммуникации может повышение доверия членов университетского сообщества друг к другу. В первую очередь речь может идти об информировании преподавателей, научных сотрудников, администраторов университета об интересах и потребностях студентов, об их потенциале в самоуправлении и о преимуществах, которые получают от участия в самоуправлении сами студенты, их преподаватели и университет в целом. Студенты должны на деле стать полноправными участниками внутриуниверситетского делиберативного процесса, и для этого вузу стоит предусмотреть регулярные механизмы их взаимодействия с профессорско-преподавательским составом, в том числе с комиссиями ученых советов, объединениями преподавателей и т.д. Важно также заботиться о психологическом благополучии студентов — участников самоуправления и по возможности

организовать соответствующий мониторинг, чтобы минимизировать развитие у кого-то из них эффекта выгорания.

Молодежная и образовательная политика государства, вузов и общественных организаций преимущественно сфокусирована сегодня на базовой и прагматической культурах участия студентов в самоуправлении. Как правило, значительная часть программ и площадок межуниверситетского взаимодействия ориентирована на профессиональный нетворкинг студентов, системы материального поощрения студентов в вузах сильно связаны с органами самоуправления, а социализация, «тусовка», расширение круга общения всегда присутствуют среди наиболее значимых мотивов в организуемых адаптационных мероприятиях. В этой парадигме студенты, склонные к участию в самоуправлении с гражданских позиций, нередко оказываются на периферии поля вузовской студенческой активности, и, вероятно, недооценка и недоиспользование их потенциала требуют дополнительного анализа и выработки возможных решений.

Разумеется, проведенное исследование дает лишь первоначальное представление о разнообразии культур участия российских студентов в университетском самоуправлении, их типологии и основных содержательных характеристиках. Для более глубокой работы по совершенствованию моделей внутривузовского студенческого самоуправления, а также молодежной и образовательной политики в целом требуется оценить их распространенность количественно, и это одно из направлений для будущих исследований. Другое направление состоит в более детальном анализе моделей вовлеченности и их распространенности, характерных для групп вузов, различающихся институциональным статусом и характеристиками студенческого контингента. Заслуживают внимания также представления не только активистов, но и рядовых студентов о роли, функционале и ожидаемых решениях органов самоуправления, о том, какие решения этих органов могли бы существенно повлиять на условия обучения в вузе. В рамках образовательной и молодежной политики в целом модель вовлеченности в студенческое самоуправление может рассматриваться как частный случай моделей образовательного поведения студента в вузе или моделей молодежного активизма и вовлечения молодых людей в управленческую и социально-политическую проблематику. В перспективе исследования в этом направлении смогут приблизить нас к более фундированному пониманию роли участия в студенческом самоуправлении в формировании жизненного опыта и мировоззрения студентов и молодежи.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке и на средства специального гранта, выделенного участникам конкурса молодых уче-

ных в рамках стратегического проекта НИУ ВШЭ «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире»⁴.

Авторы исследования выражают благодарность Екатерине Окорочковой, Денису Сметанину и Алексею Башеву за помощь в сборе данных, всем участникам объединенного научного семинара стратегических проектов НИУ ВШЭ «Студенческое самоуправление в российских вузах: модели вовлеченности студентов и подходы к работе с ней», состоявшегося 10 октября 2023 г., за содержательное обсуждение исследования и обратную связь по возможным направлениям его доработки и продолжения, а также двум анонимным рецензентам за ценные и значимые комментарии и предложения, поспособствовавшие серьезному улучшению качества статьи.

Приложение.
Список
интервью

Сокращения:

ИДТТН — Инженерное дело, технологии и технические науки

ЗМН — Здравоохранение и медицинские науки

ОПН — Образование и педагогические науки

НОО — Науки об обществе

МЕН — Математические и естественные науки

СХСН — Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки

ИК — Искусство и культура

ГН — Гуманитарные науки

Номер интервью	Характеристика респондента		Характеристика высшего учебного заведения		
	Пол	Курс	Федеральный округ	Численность студентов	Преобладающая специальность студентов
1	М	Аспирант	СЗФО	7–11 тыс.	ИДТТН
2	М	1-й год орд.	ПФО	3–7 тыс.	ЗМН
3	М	Выпускник	–	–	–
4	Ж	4	ЦФО	3–7 тыс.	ЗМН
5	Ж	4	ПФО	3–7 тыс.	ОПН
6	Ж	3	СЗФО	3–7 тыс.	ОПН
7	Ж	6	ЦФО	3–7 тыс.	ЗМН
8	Ж	3	СЗФО	3–7 тыс.	ИДТТН
9	М	Выпускник	СКФО	3–7 тыс.	НОО
10	Ж	6	ЦФО	7–11 тыс.	ЗМН
11	Ж	2-й курс магистратуры	СЗФО	7–11 тыс.	НОО
12	Ж	Аспирант	ЦФО	1–3 тыс.	ИДТТН

⁴ Подробная информация о стратегическом проекте доступна по адресу: <https://stratpro.hse.ru/human-success/> (дата обращения: 25.11.2024).

Продолжение табл.

Номер интервью	Характеристика респондента		Характеристика высшего учебного заведения		
	Пол	Курс	Федеральный округ	Численность студентов	Преобладающая специальность студентов
13	Ж	4	СЗФО	< 1 тыс.	НОО
14	Ж	4	ЦФО	7–11 тыс.	ИДТТН
15	М	3	СЗФО	3–7 тыс.	МЕН
16	Ж	4	СЗФО	1–3 тыс.	НОО
17	М	5	СЗФО	1–3 тыс.	ЗМН
18	Ж	4	ПФО	> 11 тыс.	НОО
19	Ж	2-й курс магистратуры	ЮФО	3–7 тыс.	НОО
20	М	3	УрФО	7–11 тыс.	НОО
21	Ж	3	СФО	1–3 тыс.	ИДТТН
22	М	1-й курс магистратуры	ЦФО	3–7 тыс.	НОО
23	М	Выпускник	СФО	3–7 тыс.	СХСН
24	М	4	УрФО	> 11 тыс.	НОО
25	М	3	ПФО	3–7 тыс.	ЗМН
26	М	4	СЗФО	7–11 тыс.	ИДТТН
27	Ж	5	ДВФО	1–3 тыс.	ОПН
28	М	Аспирант	ЦФО	3–7 тыс.	НОО
29	М	4	ЮФО	3–7 тыс.	ЗМН
30	М	2-й курс магистратуры	УрФО	3–7 тыс.	ИДТТН
31	Ж	Выпускник	ПФО	7–11 тыс.	ЗМН
32	Ж	3	ПФО	< 1 тыс.	ИК
33	Ж	1-й курс магистратуры	ПФО	7–11 тыс.	НОО
34	Ж	5	ЮФО	1–3 тыс.	ОПН
35	Ж	5	ДВФО	> 11 тыс.	НОО
36	Ж	4	ЦФО	1–3 тыс.	ИДТТН
37	М	3	СФО	7–11 тыс.	ЗМН
38	М	1-й курс ординаруты	СЗФО	3–7 тыс.	ЗМН
39	М	4	СЗФО	3–7 тыс.	ИДТТН
40	Ж	4	ЦФО	7–11 тыс.	ИДТТН
41	М	Аспирант	ПФО	1–3 тыс.	СХСН
42	Ж	4	СЗФО	> 11 тыс.	НОО
43	Ж	2-й курс магистратуры	ПФО	> 11 тыс.	ИДТТН
44	М	1-й курс магистратуры	СЗФО	7–11 тыс.	НОО

Окончание табл.

Номер интервью	Характеристика респондента		Характеристика высшего учебного заведения		
	Пол	Курс	Федеральный округ	Численность студентов	Преобладающая специальность студентов
45	М	3	ДВФО	< 1 тыс.	ИДТТН
46	Ж	4	СФО	< 1 тыс.	ИДТТН
47	Ж	4	ПФО	1–3 тыс.	НОО
48	М	3	ЦФО	> 11 тыс.	НОО
49	Ж	3	ЦФО	1–3 тыс.	НОО
50	Ж	1-й курс магистратуры	ЦФО	> 11 тыс.	НОО
51	М	3	УрФО	1–3 тыс.	ОПН
52	М	4	ЮФО	3–7 тыс.	ЗМН
53	М	1-й курс магистратуры	ДВФО	3–7 тыс.	НОО
54	М	3	УрФО	3–7 тыс.	ИДТТН
55	М	2	ПФО	7–11 тыс.	ИДТТН
56	Ж	3	ПФО	< 1 тыс.	НОО
57	М	5	ЦФО	> 11 тыс.	ИДТТН
58	М	Аспирант	СФО	> 11 тыс.	НОО
59	Ж	3	ЦФО	1–3 тыс.	НОО
60	Ж	3	ПФО	1–3 тыс.	ГН
61	М	4	СЗФО	7–11 тыс.	ИДТТН
62	Ж	2-й курс магистратуры	СФО	3–7 тыс.	ОПН
63	Ж	3	ПФО	1–3 тыс.	ИДТТН
64	Ж	4	ЮФО	3–7 тыс.	ИДТТН
65	Ж	Аспирант	ПФО	> 11 тыс.	НОО
66	Ж	3	ЦФО	1–3 тыс.	НОО
67	М	3	СЗФО	3–7 тыс.	ОПН
68	Ж	4	ДВФО	3–7 тыс.	ОПН
69	М	4	СЗФО	> 11 тыс.	ИДТТН
70	Ж	3	ЦФО	< 1 тыс.	НОО
71	Ж	4	ЦФО	1–3 тыс.	СХСН
72	М	Аспирант	СФО	> 11 тыс.	НОО

Литература

1. Антипов К.А. (2015) Содержание студенческого самоуправления в национальном исследовательском университете. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, № 3, сс. 35–39.
2. Барсова Д.А., Пучков В.И. (2021) Сравнительный анализ включенности студентов младших и старших курсов в общественную деятельность. *Про-*

- фессионально ориентированное волонтерство: актуальные проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам VIII Всероссийского форума «Профессионально ориентированное волонтерство: актуальные проблемы и перспективы развития» (Курск, 2021, 9 апреля), сс. 84–92.*
3. Горбачева И.М., Павлютенкова О.А., Марусева И.С. (2017) Вовлеченность студентов в профсоюзную деятельность как фактор формирования социальной активности обучающихся в высших учебных заведениях. *Вестник РМАТ*, № 2, сс. 34–40.
 4. Ефимов Д.Б. (2022) Студенческое представительство в университетском управлении: факторы вовлеченности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2, сс. 140–167. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>
 5. Ефимов Д.Б. (2021) Устройство и деятельность университетского студенческого представительства в современной России. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 4, сс. 74–96. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-74-96>
 6. Ефимов Д.Б. (2020) Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы. *Университетское управление: практика и анализ*, т. 24, № 3, сс. 105–121. <https://doi.org/10.15826/umpra.2020.03.029>
 7. Куприянчик Т.В. (2015) Коммуникативная компетентность будущего учителя в контексте студенческого самоуправления. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*, № 92 (5), сс. 24–30.
 8. Новиков В.Г. (2010) Студенческое самоуправление глазами студентов-аграрников: социологический анализ. *Социально-гуманитарные знания*, № 3, сс. 143–153.
 9. Полухина Е.В. (ред.) (2023) *Практики анализа качественных данных в социальных науках*. М.: НИУ ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2542-5>
 10. Попов В.Р. (2009) Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историко-социологического анализа. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 2, сс. 211–223.
 11. Попова Г.А. (2007) Студенческое самоуправление: система и диагностика. *Высшее образование в России*, № 9, сс. 141–144.
 12. Стегний В.Н. (2016) Студенческое самоуправление глазами студентов. *Власть*, № 4, сс. 169–175.
 13. Черникова Е.Г. (2014) Состояние студенческого самоуправления в вузе (на материалах социологических исследований). *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, № 4, сс. 165–176.
 14. Чичиль Н.С., Головина Д.Д., Кравченко А.В. (2018) Анализ студенческого самоуправления в рамках деятельности студенческого совета. *Форум молодых ученых*, т. 28, № 12, сс. 540–547.
 15. Щеглова И.А. (2019) Может ли вовлеченность студентов во внеучебные мероприятия способствовать развитию мягких навыков? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, сс. 111–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.07>
 16. Щеглова И.А., Корешникова Ю.Н., Паршина О.А. (2019) Роль студенческой вовлеченности в развитии критического мышления. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 264–289. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-264-289>
 17. Almond G.A., Verba S. (1963) *The Civic Culture*. Princeton, NJ: Princeton University. <https://doi.org/10.1515/9781400874569>

18. Altbach P.G. (2007) Student Politics: Activism and Culture. *International Handbook of Higher Education* (eds J.J.F. Forest, P.G. Altbach), Dordrecht: Springer, pp. 329–345. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4012-2_17
19. Bazeley P. (2013) *Qualitative Data Analysis: Practical Strategies*. London: SAGE.
20. Boland J.A. (2005) Student Participation in Shared Governance: A Means of Advancing Democratic Values? *Tertiary Education and Management*, vol. 11, no 3, pp. 199–217. <https://doi.org/10.1080/13583883.2005.9967147>
21. Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*, vol. 18, no 9, pp. 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1039971>
22. Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*, vol. 30, no 2, pp. 165–181. <https://doi.org/10.1080/02680939.2014.924562>
23. Bryman A. (2016) *Social Research Methods*. Oxford: Oxford University.
24. Chirikov I. (2016) Do Russian Research Universities Have a Secret Mission? A Response to Forrat. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 4, pp. 338–344. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1083160>
25. Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 455–469. <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.896181>
26. Clark B.R., Trow M. (1960) *Determinants of College Student Subculture*. Berkeley, CA: Center for the Study of Higher Education, University of California (Berkeley).
27. Crossley N., Ibrahim J. (2012) Critical Mass, Social Networks and Collective Action: Exploring Student Political Worlds. *Sociology*, vol. 46, no 4, pp. 596–612. <https://doi.org/10.1177/0038038511425560>
28. Efimov D. (2024) Legacy, Bureaucracy, and Meritocracy of Leviathan: Student Representation in Post-Soviet Russia. *The Bloomsbury Handbook of Student Politics and Representation in Higher Education* (ed. M. Klemenčič), London: Bloomsbury Academic, pp. 531–549. <https://doi.org/10.5040/9781350376007>
29. Kaufman L., Rousseeuw P.J. (2009) *Finding Groups in Data: An Introduction to Cluster Analysis*. New York, NY: John Wiley & Sons.
30. Klemenčič M. (2020) Student Politics. *The International Encyclopedia of Higher Education Systems and Institutions* (eds P. Teixeira, J. Shin), Dordrecht: Springer, pp. 2609–2614. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8905-9_618
31. Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 396–411. <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.896177>
32. Luescher-Mamashela T.M. (2013) Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*, vol. 38, no 10, pp. 1442–1456. <https://doi.org/10.1080/03075079.2011.625496>
33. Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: The Perspective of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*, vol. 79, no 1, pp. 141–157. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00400-9>
34. Rowlands J. (2017) *Academic Governance in the Contemporary University*. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2688-1>
35. Wilder D.H., Midkiff R.M., Dunkerly R.E., Skelton R.C. (1996) Higher Educational Impact on Student Objectives: Longitudinal Change in Clark —Trow "Educational Philosophies". *Research in Higher Education*, vol. 37, pp. 179–198. <https://doi.org/10.1007/BF01730118>

References

- Almond G.A., Verba S. (1963) *The Civic Culture*. Princeton, NJ: Princeton University. <https://doi.org/10.1515/9781400874569>

- Altbach P.G. (2007) Student Politics: Activism and Culture. *International Handbook of Higher Education* (eds J.J.F. Forest, P.G. Altbach), Dordrecht: Springer, pp. 329–345. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4012-2_17
- Antipiev K.A. (2015) Content of Student Government at National Research University. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no 3, pp. 35–39 (In Russian).
- Barsova D.A., Puchkov V.I. (2021) Comparative Analysis of the Involvement of Junior and Senior Students in Social Activities. Proceedings of the VIII All-Russian Forum “Professionally Oriented Volunteering: Actual Problems and Prospects of Development” (Kursk, 2021, April 9), pp. 84–92 (In Russian).
- Bazeley P. (2013) *Qualitative Data Analysis: Practical Strategies*. London: SAGE.
- Boland J.A. (2005). Student Participation in Shared Governance: A Means of Advancing Democratic Values? *Tertiary Education and Management*, vol. 11, no 3, pp. 199–217. <https://doi.org/10.1080/13583883.2005.9967147>
- Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*, vol. 18, no 9, pp. 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1039971>
- Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions Within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*, vol. 30, no 2, pp. 165–181. <https://doi.org/10.1080/02680939.2014.924562>
- Bryman A. (2016) *Social Research Methods*. Oxford: Oxford University.
- Chernikova E.G. (2014) The State of Development of Student Government in the University (on the Materials of Sociological Research). *Herald SURSHPU*, no 4, pp. 165–176 (In Russian).
- Chichil' N.S., Golovina D.D., Kravchenko A.V. (2018) The Analysis of Student Government within Activity of Student Council. *Forum molodykh uchyonikh*, vol. 28, no 12, pp. 540–547 (In Russian).
- Chirikov I. (2016) Do Russian Research Universities Have a Secret Mission? A Response to Forrat. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 4, pp. 338–344. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1083160>
- Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 455–469. <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.896181>
- Clark B.R., Trow M. (1960) *Determinants of College Student Subculture*. Berkeley, CA: Center for the Study of Higher Education, University of California (Berkeley).
- Crossley N., Ibrahim J. (2012) Critical Mass, Social Networks and Collective Action: Exploring Student Political Worlds. *Sociology*, vol. 46, no 4, pp. 596–612. <https://doi.org/10.1177/0038038511425560>
- Efimov D. (2024) Legacy, Bureaucracy, and Meritocracy of Leviathan: Student Representation in Post-Soviet Russia. *The Bloomsbury Handbook of Student Politics and Representation in Higher Education* (ed. M. Klemenčič), London: Bloomsbury Academic, pp. 531–549. <https://doi.org/10.5040/9781350376007>
- Efimov D.B. (2022) Student Representation in University Governance: Factors of Involvement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 2, pp. 140–167 (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1757>
- Efimov D.B. (2021) The Structure and Activities of Student Representative Bodies in Modern Russian Universities. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 74–96 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-74-96>
- Efimov D.B. (2020) Research of Student Representation Bodies in Universities: Current State, Problems and Prospects. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 3, pp. 105–121 (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.03.029>
- Gorbachyova I.M., Pavlyutenkova O.A., Maruseva I.S. (2017) Involvement of Students in Trade Union Activity as a Factor in the Formation of Social Activity of Students in Higher Educational Institutions. *Vestnik RIAT*, no 2, pp. 34–40 (In Russian).

- Kaufman L., Rousseeuw P.J. (2009) *Finding Groups in Data: An Introduction to Cluster Analysis*. New York, NY: John Wiley & Sons.
- Klemenčič M. (2020) Student Politics. *The International Encyclopedia of Higher Education Systems and Institutions* (eds P. Teixeira, J. Shin), Dordrecht: Springer, pp. 2609–2614. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8905-9_618
- Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 396–411. <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.896177>
- Kuprianchik T.V. (2015) Communicative Competence of the Future Teacher in the Context of Student Government. *Izvestiya Gornogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, vol. 92, no 5, pp. 24–30 (In Russian).
- Luescher-Mamashela T.M. (2013). Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*, vol. 38, no 10, pp. 1442–1456. <https://doi.org/10.1080/03075079.2011.625496>
- Novikov V.G. (2010) Student's Self-Management by Eyes of Students-Agrarian Sphere: The Sociological Analysis. *Social and Humanitarian Knowledge*, no 3, pp. 143–153 (In Russian).
- Polukhina E.V. (ed.) (2023) *Practices for Analyzing of the Qualitative Data in the Social Sciences*. Moscow: HSE (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2542-5>
- Popov V.R. (2009) Student Self-Governance: An Attempt at a Comparative Socio-Historical Analysis. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 211–223 (In Russian).
- Popova G.A. (2007) Student Self-Governance: System and Diagnosis. *Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, no 9, pp. 141–144 (In Russian).
- Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: The Perspective of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*, vol. 79, no 1, pp. 141–157. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00400-9>
- Rowlands J. (2017) *Academic Governance in the Contemporary University*. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-2688-1>
- Shcheglova I.A. (2019) Can Student Engagement in Extracurricular Activities Facilitate the Development of Their Soft Skills? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 111–121 (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.07>
- Shcheglova I.A., Koreshnikova Ju.N., Parshina O.A. (2019) The Role of Engagement in the Development of Critical Thinking in Undergraduates. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 264–289 (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-264-289>
- Stegnij V.N. (2016) Students' View on the Student Self-Government. *Vlast'*, no 4, pp. 169–175 (In Russian).
- Wilder D.H., Midkiff R.M., Dunkerly R.E., Skelton R.C. (1996) Higher Educational Impact on Student Objectives: Longitudinal Change in Clark — Trow "Educational Philosophies". *Research in Higher Education*, vol. 37, pp. 179–198. <https://doi.org/10.1007/BF01730118>